

Серия
«Школьная программа по чтению»

ХРЕСТОМАТИЯ *по чтению* *для девочек*

4 класс

БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2023

УДК 371.1
ББК 84(0)я7
КТК 440
Х91

Х91 Хрестоматия по чтению для девочек : 4 класс : без сокращений. — Ростов н/Д : Феникс, 2023. — 319 с. — (Школьная программа по чтению).

ISBN 978-5-222-39069-6

Хрестоматии для начальных классов включают в себя произведения, входящие во все программы по чтению, утверждённые Министерством просвещения РФ. Это полное собрание основных программных произведений по чтению для 1, 2, 3 и 4 классов, которые приводятся без сокращений.

В эту хрестоматию вошла проза русских классиков: Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, А.И. Куприна, а также произведение В.Г. Короленко «В дурном обществе», потрясающая феерия А.С. Грина «Алые паруса» и рассказ Э. Сетон-Томпсона.

Издание адресовано младшим школьникам, предназначено для подготовки к урокам и самостоятельного чтения дома.

УДК 371.1
ББК 84(0)я7

ISBN 978-5-222-39069-6 © Оформление: ООО «Феникс», 2022
© Иллюстрация: Екатерина Буслаева, 2022

Содержание

Н.В. Гоголь

Ночь перед Рождеством 4

В.Г. Короленко

В дурном обществе.....67

А.П. Чехов

Каштанка 159

Лошадиная фамилия..... 188

Хамелеон..... 193

А.И. Куприн

Ю-ю 198

А.С. Грин

Алые паруса.....216

Э. Сетон-Томпсон

Отчего синицы раз в году теряют рассудок....316

Н. В. Гоголь

Ночь перед Рождеством

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков¹ не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом чёрными смушками², с дьявольски сплетённою плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, приметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма

¹ Парубок — парень.

² Смушка — шкурка новорождённого ягнёнка.

на свете не ускользнёт. Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросёнок, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинкё¹. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестели. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий,

¹ Шинóк — трактир.

а просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдёрнул её назад, как бы обжёгшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдёрнул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дую, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки¹; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывало, побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том всё село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться чёрту на такое беззаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашён дьяком на кутью, где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и ещё кое-кто; где, кроме кутьи,

¹ Люлька — курительная трубка.

будет варенуха¹, перегонная на шафран водка и много всякого съестного. А между тем его дочка, красавица на всём селе, останется дома, а к дочке, наверное, придёт кузнец, силач и детина хоть куда, который чёрту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием² и слыл лучшим живописцем во всем околотке. Сам ещё тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалёваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых: и теперь ещё можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалёванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чёрт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал её на большой деревянной доске, чёрт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на всё, работа была кончена,

¹ Варенуха — алкогольный напиток, распространённый в некоторых местностях на Украине с XVI века.

² Малевание — рисование.

доска внесена в церковь и вделана в стену при-
твора, и с той поры чёрт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на
белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-
нибудь выместить на кузнеце свою злобу. И для
этого решился украсть месяц, в той надежде, что
старый Чуб ленив и не лёгок на подъём, к дьяку
же от избы не так близко: дорога шла по-за селом,
мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Ещё
при месячной ночи варенуха и водка, настоящая
на шафране, могли бы заманить Чуба, но в такую
темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с
печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был
издавна не в ладах с ним, при нём ни за что не
отважится идти к дочке, несмотря на свою силу.

Таким-то образом, как только чёрт спрятал в
карман свой месяц, вдруг по всему миру сдела-
лось так темно, что не всякий бы нашёл дорогу к
шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя
вдруг в темноте, вскрикнула. Тут чёрт, подъехавши
мелким бесом, подхватил её под руку и пустился
нашёптывать на ухо то самое, что обыкновенно
нашёптывают всему женскому роду. Чудно устро-
ено на нашем свете! Всё, что ни живёт в нём,
всё силится перенимать и передразнивать один
другого. Прежде, бывало, в Миргороде один су-
дья да городничий хаживали зимою в крытых
сукном тулупах, а всё мелкое чиновничество но-
сило просто нагольные; теперь же и заседатель,
и подкоморий отсмалили себе новые шубы из
решетилловских смушек с суконною покрывкою.
Канцелярист и волостной писарь третьего году

взяли синей китайки по шести гривен аршин. Пономарь сделал себе нánковые¹ на лето шаровары и жилет из полосатого гáруса². Словом, всё лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть чёрта, пустившегося и себе туда же. Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем, между тем как фигура — взглянуть совестно. Рожа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры! Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

— Так ты, кум, ещё не был у дьяка в новой хате? — говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому, в коротком тулупе, мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением бритвы. — Там теперь будет добрая попойка! — продолжал Чуб, осклабив при этом своё лицо. — Как бы только нам не опоздать.

При сём Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут — страх и грозу докучливых собак; но, взглянув вверх, остановился...

— Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!..

¹ Нánковый — из хлопчатобумажной пряжи.

² Гáрус — мягкая шерстяная пряжа.

— Что? — произнёс кум и поднял свою голову также вверх.

— Как что? месяца нет!

— Что за пропасть! В самом деле нет месяца.

— То-то что нет, — выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума. — Тебе небось и нужды нет.

— А что мне делать!

— Надобно же было, — продолжал Чуб, утирая рукавом усы, — какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь — чудо! Светло, снег блещет при месяце. Всё было видно, как днём. Не успел выйти за дверь — и вот, хоть глаз выколи!

Чуб долго ещё ворчал и бранился, а между тем в то же время раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел ужо и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоявшую на столе варенуху. Всё это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила всем козакам. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни весёлых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, без всякого сомне-

ния, решился на последнее, если бы был один, но теперь обоим не так скучно и страшно идти тёмною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым. Окончивши побранки, обратился он снова к куму:

— Так нет, кум, месяца?

— Нет.

— Чудно, право! А дай понюхать табаку. У тебя, кум, славный табак! Где ты берёшь его?

— Кой чёрт, славный! — отвечал кум, закрывая берёзовую тавлiнку¹, исколотую узорами. — Старая курица не чихнёт!

— Я помню, — продолжал всё так же Чуб, — мне покойный шинкарь Зозуля раз привёз табаку из Нежина. Эх, табак был! добрый табак был! Так что же, кум, как нам быть? ведь темно на дворе.

— Так, пожалуй, останемся дома, — произнёс кум, ухватясь за ручку двери.

Если бы кум не сказал этого, то Чуб, верно бы, решился остаться, но теперь его как будто что-то дёргало идти наперекор.

— Нет, кум, пойдём! нельзя, нужно идти!

Сказавши это, он уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал-таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своём ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно всё равно, сидеть ли дома или тащиться из

¹ Тавлiнка — берестяная табакерка.

дому, обсмотрелся, почесал палочкой батога свои плечи, и два кума отправились в дорогу.

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло ещё и семнадцати лет, как во всём почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про неё. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте¹ и запаске², а в каком-нибудь капоте, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими.

По выходе отца своего она долго ещё принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? — говорила она как бы рассеянно, для того только, чтобы об чём-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в дет-

^{1, 2} Плахта, запаска — отрезки ткани, которые носили, обернув вокруг нижней части тела.

ской юности лицо с блестящими чёрными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве чёрные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздёрнутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои чёрные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: — Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец, — и хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и ещё хвалит себя вслух!

— Да, парубки, вам ли чета я? Вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Всё это закупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете! — и, усмехнувшись, поворотилась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним. Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна, и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз — вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришёл сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, моё серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука, Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдёшь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто же тебе запрещает, говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шёлком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах.

— Позволь и мне сесть возле тебя! — сказал кузнец.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнёс ободрённый кузнец и прижал её к себе, в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щёки, находившиеся уже на неприметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебе ещё хочется? Ему когда мёд, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жёстче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, — думал про себя, повеся голову, кузнец. — Ей всё игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с неё. И всё бы стоял перед нею, и век бы не сводил с неё очей! Чудная девка! чего бы я не дал, чтобы узнать, что у неё на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит себя сама собою; мучит меня, бедного; а я за грустью не вижу света; а я её так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его всё засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепнувших жилах, и со всем тем досада запала в

его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моём царстве, всё отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу, — сказал бы я царю, — ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

— Бог с ними, моя красавица!

— Как бы не так! С ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

— Так тебе весело с ними?

— Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждатель? — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «отвори!» — прервал его размышления.

— Пстой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что чёрт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мёрзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смёрзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, не смотря на то, что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу.

Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядеть, не назвал ли сын её Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посере́ди хаты, вылезла из печки, скинула тёплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым, не мешая, между прочим, заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести её сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. Шёл ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, — как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаною вареников и не поболтать в тёплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это — заходить по дороге. А пойдёт ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх её синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал неволью в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец¹ и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! чёрт-баба!»

¹ Оселедец — длинный чуб, оставляемый на бритой голове.

Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов; восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатой. Две пары дюжих волов всякий раз высывали свои головы из плетёного сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму — корову, или дядю — толстого быка. Бородатый козёл взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору индеек и оборачиваясь задом, когда завидывал своих неприятелей — мальчишек, издевавшихся над его бородою.

В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов¹ и старинных кунтушей² с золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось ещё каждый год две нивы табаку. Всё это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдёт в её руки, и удваивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын её Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе — и тогда бы наверно не допустил её мешаться ни во что, — она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. Может быть, эти самые

¹ Жупан — старинный полукафтан.

² Кунтуш — кафтан.

хитрости и сметливость её были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколу-пенко видел у неё сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она ещё в позапрошлый четверг чёрною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришёл какой-то коровий пастух Тымиш Коростявый. Он не преминул рассказать, как летом, перед самою Петровкою¹, когда он лёг спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелинуться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день. Но всё это что-то сомнительно, потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму. И оттого все именитые козаки махали руками, когда слышали такие речи. «Брешут сучьи бабы!» — бывал обыкновенный ответ их.

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить всё к своему месту, но мешков не тронула: «Это Ваку-

¹ Петровка (Петров день) — день святых апостолов Петра и Павла (12 июля).

ла принёс, пусть же сам и вынесет!» Чёрт между тем, когда ещё влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замёрзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперёд сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А чёрт улетел снова в трубу, в твёрдой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры.

В самом деле, едва только поднялась метель и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъявил раскаяние и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи¹, угощал побранками себя, чёрта и кума. Впрочем, эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся метели. До дьяка ещё оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники повертели назад. Ветер дул в затылок; но сквозь метущий снег ничего не было видно.

— Стой, кум! мы, кажется, не туда идём, — сказал, немного отошедши, Чуб, — я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! Свороти-ка ты, кум, немного в сторону, не найдёшь ли дороги; а я тем временем поищу здесь. Дёрнет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! Не забудь кричать, когда найдёшь дорогу. Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!

¹ Капелюха — шапка.

Э. Сетон-Томпсон

Отчего синицы

раз в году теряют рассудок

В давно минувшие времена, когда на севере Америки ещё не бывало зимы, синицы весело жили в лесах вместе с королями, кедровиками и другими своими родственниками и ни о чём не заботились, кроме удовольствий.

Но вот однажды осенью мать-природа предупредила всех пернатых певуний, что они должны поскорее улететь на юг, так как сюда надвигаются могущественные враги — снег, холод и голод, — бороться с которыми для многих будет очень трудно.

Кедровики и другие родственницы синиц принялись обсуждать, куда лететь.

И только синица, предводительница всей стаи, хохотала, кувыряясь на сучке, как на трапедии.

— Отправляться в такую даль? — пищала она. — Вот ещё! Нам и здесь хорошо. Враки, не будет ни снега, ни холода, ни голода! Никогда во всю свою жизнь ничего подобного я не видала и не слыхала даже от стариков.

Но кедровики и короли так волновались и трусили, что в конце концов их волнение передалось и многим синицам. Они даже оставили на время свои забавы и принялись допытываться у родственников, в чём, собственно, дело.

Те разъяснили им как могли, что надвигается опасность и надо немедленно улететь в тёплые страны.

Выслушав своих умных родственников, синицы опять только расхохотались, снова принялись беззаботно распевать и летать наперегонки.

Между тем корольки и другие птички стали готовиться к длинному путешествию и разузнавать дорогу на юг. Большая, широкая река, текущая к югу, луна в небе и дикие гуси, также переселявшиеся в тёплые страны, должны были служить им путеводителями.

Чтобы их не заметили коршуны, решено было отправиться в путь ночью.

Начиналась буря, но и на это переселенцы решили не обращать внимания.

Вечером отлетающие птички расселись на деревьях и стали ждать восхода луны. Синицы собрались провожать своих «сумасшедших» родственников и продолжали насмехаться над ними.

Как только холодная луна поднялась над горизонтом, вся огромная стая пернатых переселенцев сразу вспорхнула и, попрощавшись с синицами, плавно понеслась к югу.

Пожелав им вместо счастливого пути скорейшего возвращения, беспечные синицы, перелетая друг через друга и кувыряясь в воздухе, шумно помчались к опустевшему лесу.

— Нам будет гораздо лучше без этих чудачков! — щебетали они. — Просторнее, да и весь корм достанется нам.

И они веселее прежнего стали играть и баловаться.

Между тем после сильной бури действительно пошёл снег и наступили холода. Непривычные синицы совсем растерялись. Куда девалась их былая весёлость! Им стало страшно, холодно, голодно. Беспомощно носились они по лесу, ища, у кого бы спросить совета, у кого бы узнать, как найти путь на юг. Но — увы! — кроме них, во всём громадном лесу не оказалось ни одной певчей птички. Они припомнили, что переселенцы полетели над рекой, но как теперь узнать эту реку, когда всё вокруг занесено снегом?

Как-то раз с юга пахнул тёплый ветерок и поведал легкомысленным певуньям, что их родственники, послушные указаниям мудрой матери-природы, отлично устроились на тёплом, благодатном юге, но что та же мать-природа, разгневанная непослушными синицами, приказывает им оставить всякую надежду на переселение в тёплые страны и приспособляться, как сами знают, к изменившемуся климату на их родине. Не хотели слушаться вовремя — теперь пусть пеняют на себя.

Мало было утешительного в этой вести, но она подействовала на синиц самым отрезвляющим образом: заставила их призадуматься и примириться с новыми условиями жизни.

Синицы приободрились и развеселились. Решив, что можно жить и среди снега, они снова стали весело чирикать, гоняться друг за дружкой, прыгать по заиндеветым веткам деревьев. Они

чувствовали себя по-прежнему вполне счастливо. Во время метелей и морозов они спокойно сидели в тёплых гнёздышках, устроенных в дуплах старых деревьев. И как только после суровой зимы пахнёт тёплым, предвесенним ветерком, одна из них радостно запекает «весна идёт!», а хор весело подхватывает песню.

Люди слушают, как звенят радостные голоса птиц в занесённом снегом лесу, и тоже начинают радоваться скорой весне. Они знают, что предсказание этих маленьких предвестниц всегда верно.

Но раз в году, глубокой осенью, когда по опустевшему лесному царству зашумит, загудит и завоет холодный ветер, со всеми синицами творится что-то странное: они на несколько дней теряют рассудок и начинают, точно угорелые, метаться между деревьями и забираться куда попало, даже в самые опасные места. Их тогда можно видеть и в лугах, и в степях, и в городах, в подвалах, амбарах, сараях, — словом, всюду, где не следует быть маленькой лесной птичке.

И если вам случится в это время года встретить в подобных местах синиц, то так и знайте, что они временно сошли с ума. Это помешательство связано у них с воспоминанием о том времени, когда они, по легкомыслию, отказались переселиться вместе с перелётными птицами в тёплые страны благодатного юга.

Литературно-художественное издание

**ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЧТЕНИЮ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК
4 КЛАСС
БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ**

Ответственный редактор *Д. Волкова*
Выпускающий редактор *Г. Логвинова*
Компьютерная вёрстка: *А. Патулова*

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Тираж 10 000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150

Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 01.2023. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».

Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2